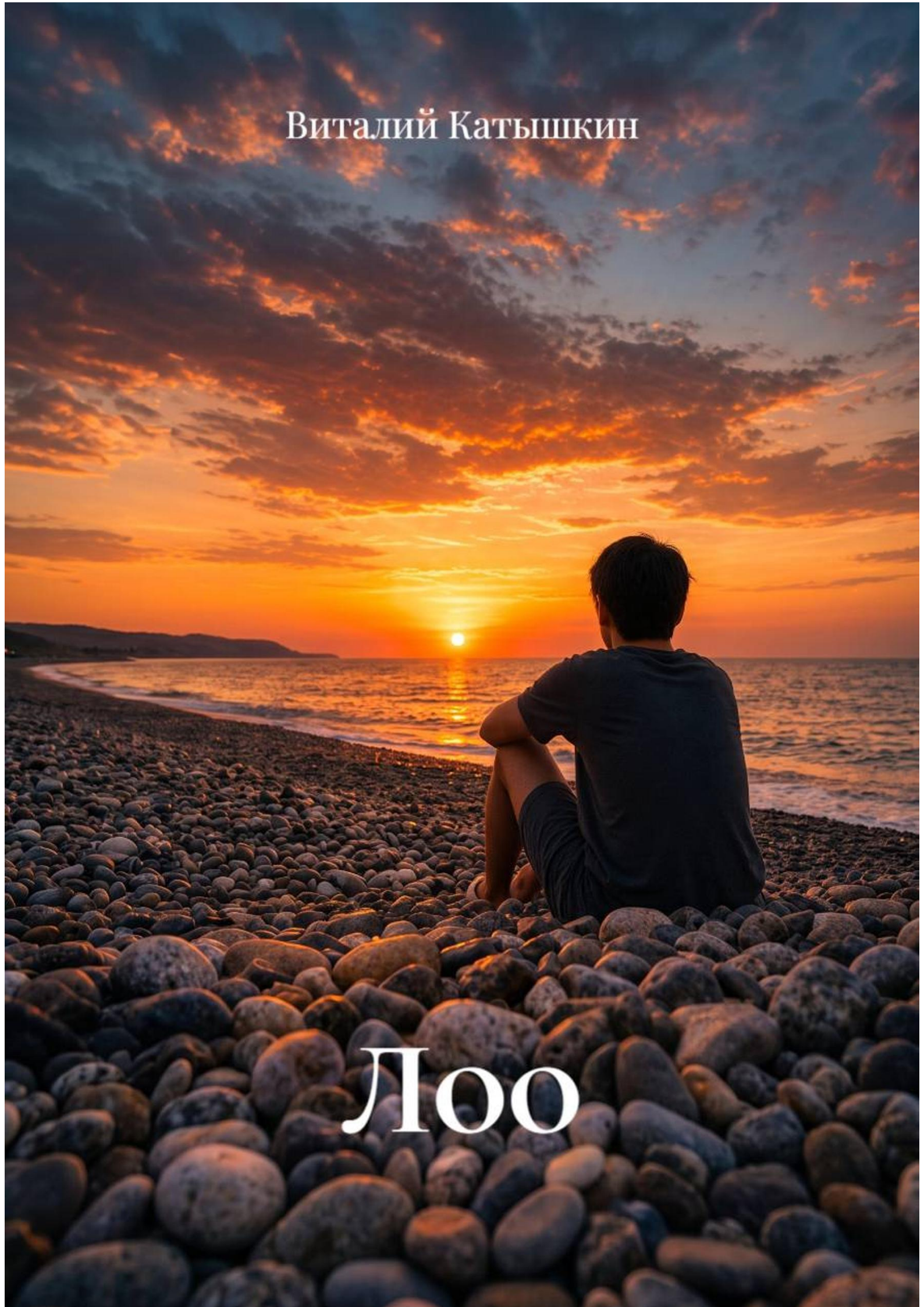

A person is sitting on a beach covered in smooth, dark stones, looking out at the ocean during a vibrant sunset. The sun is low on the horizon, casting a golden glow across the sky and water. The sky is filled with colorful clouds in shades of orange, yellow, and blue. The person is seen from behind, wearing a dark t-shirt and shorts.

Виталий Катышкин

Люо

Виталий Катышкин

Лоо

«Автор»

2026

Катышкин В. Ю.

Лоо / В. Ю. Катышкин — «Автор», 2026

Степняк Баир, рекламный агент, возвращается из Элисты в Лоо — во двор детства, где когда-то смеялись под виноградной беседкой и сверкала светлозелёная «Волга». Теперь беседки нет, машина ржавеет, близкие ушли, но за железнодорожной насыпью по-прежнему дышит море. Встреча с Аркадием, вкус домашнего вина, перестук электричек и загадочная женщина в белом — запускают паломничество Баира к памяти, отцовской тишине и собственному голосу. Лирическая повесть о потере и возвращении, о степи и море, о снимках, что не вмещают жизнь, и о чуде, которое приходит, когда его не ждёшь.

© Катышкин В. Ю., 2026

© Автор, 2026

Виталий Катышкин

Лоо

I

Баир стоял на перроне, которого больше не было.

Элистинский вокзал — маленький, пыльный, когда-то пахнувший горячим металлом вперемешку с чебуреками, которые готовили местные бабушки на перроне, выставляя их на газетных листах, — давно не принимал поездов. Рельсы заросли полынью, той самой степной полынью, которая лезет из любой трещины, из любого забвения, будто напоминая: здесь была жизнь. Между шпалами пробивались сухие метёлки ковыля, и ветер трепал их так же, как трепал когда-то волосы пассажиров, выходивших на платформу размять ноги.

Он помнил, как бабушка — Данара Дорджиевна — стояла на этом перроне в своём бордовом платке, повязанном по-калмыцки, низко, почти до бровей. В руках — клетчатая сумка, набитая с такой основательностью, будто они уезжали не на две недели, а навсегда: калмыцкий чай в термосе, борцоки, завернутые в полотенце, ещё тёплые, Троицкая колбаса в промасленной бумаге, а сверху — газета «Известия Калмыкии», и обязательно пакет с лекарствами, хотя никто никогда не болел. «На всякий случай», — говорила бабушка, и это «на всякий случай» было её молитвой, её оберегом, её способом держать мир в порядке.

Рядом топтался старший брат Евгений, вечно недовольный, что его оторвали от друзей, от футбола во дворе, от велосипеда, но уже через час пути прикивавший к вагонному окну, как все мальчишки мира. Он прижимался носом к стеклу и первым кричал: «Деревья! Деревья пошли!» — и это значило, что степь заканчивается, что впереди — другое.

А маленький Баир — каждое лето, каждый август — прижимался лбом к стеклу с другой стороны и считал столбы. Степь бежала за окном — бесконечная и жёлтая, выгоревшая до белизны у горизонта, — потом появлялись лесополосы, потом станции с черепичными крышами, потом горы — сначала далёкие, синие, ненастоящие, как нарисованные, — потом всё ближе, всё зеленее, всё выше. И он знал: скоро. Скоро будет то, от чего перехватывает дыхание.

Море.

Сейчас ему тридцать три. Он стоял не на перроне — у своей машины, на обочине возле мёртвого вокзала, — и курил, хотя бросил два года назад. Сигарета была чужая, найденная в бардачке, оставшаяся от друга Мергена, который подвозил его до заправки на прошлой неделе. Сигарета была дрянная, сухая, драла горло, но Баир курил её до фильтра, потому что ему нужно было чем-то занять руки.

Он работал рекламным агентом. Продавал людям то, что им не нужно, и делал это хорошо — с мягкой, ненавязчивой убедительностью, которую клиенты принимали за искренность. Билборды, вывески, макеты меню для кафе, визитки для автомастерских — вся эта мелкая работа, которая кормила, но не наполняла. А ещё он фотографировал — степь, лица, закаты над Элистой, руки стариков, перебирающих чётки у хурула, тюльпаны в апреле, когда степь взрывалась цветом, будто вспоминала, что умеет быть красивой. Фотография была его тишиной, его молитвой — тем, что оставалось настоящим в мире баннеров и макетов.

Но последние месяцы тишина перестала помогать. Город давил — не размером, Элиста невелика, — а чем-то другим. Может быть, присутствием отсутствия. Пустым стулом за кухонным столом. Номером в телефоне, который некому набрать. Тапочками в прихожей, которые мама так и не убрала.

Юлий Анатольевич ушёл два года назад — тихо, как и жил. Сердце. Пятьдесят восемь лет, ни одной жалобы за всю жизнь, крепкий, жилистый, из тех калмыцких мужчин, что кажутся вечными, — а потом вдруг утром не проснулся. Мама нашла его в кресле, с книгой на коленях, в очках, сползших на кончик носа, — будто задремал. Баир до сих пор иногда набирал

его номер — не по привычке, а намеренно, осознанно, — просто чтобы услышать: «Абонент недоступен». Как будто отец уехал куда-то, где нет связи. Как будто есть место, куда можно приехать и найти его — загорелого, смеющегося, с пластиковым стаканчиком домашнего вина в руке.

И вот позавчера, разбирая старые фотографии — настоящие, бумажные, с белыми каёмками и штампами фотоателье на обороте, из коробки из-под туфель, которую мама хранила на антресолях, — он нашёл снимок.

Выцветший, с загнутым уголком. На нём — двор, беседка, увитая диким виноградом, и отец — молодой, лет тридцати, загорелый, дочерна, в белой майке, — смеётся так, как Баир почти не помнил его смеющимся дома. Пластиковый стаканчик в руке, голова чуть откинута назад. А за его спиной — светло-зелёная «Волга» ГАЗ-21, новенькая, сверкающая на южном солнце, с хромированным оленем на капоте, с отражением облаков на лобовом стекле.

Лоо.

Это слово упало в него, как камень в колодец, и долго-долго летело до дна. А потом со дна поднялось эхо — тёплое, солёное, пахнущее сыростью и виноградом.

Кто-то когда-то расшифровывал это слово как «Люблю отдыхать один». Глупая шутка, детская, но она застряла в памяти, как застревает песок в складках одежды — вытряхиваешь, вытряхиваешь, а он всё ещё там.

Он позвонил Аркадию.

— Дядь Аркаш, как вы? Вы дома?

Пауза. Шорох. Потом — голос, густой, хриплый, с калмыцкой ленцой, Аркадий был родом из Элисты, как занесло его семью в Лоо — отдельная история, длинная, как железная дорога.

— Баир? Баир, ты?! Ооо Менд! Ямаран баянч? Сколько лет?!

Аркадий выучил эти калмыцкие слова ещё в детстве, до отъезда он жил на 1 микрорайоне и произносил их с таким удовольствием, будто они были конфетами, которые он перекачивал на языке.

— О гем уга! Десять... десять лет, дядь Аркаш. Время пролетело незаметно!

— Десять... — В голосе Аркадия звякнуло что-то — не обида, нет, но и не удивление. Знание. — Ну ты даёшь, Баирка.

— Я приеду. Можно?

Снова пауза. Длиннее первой. Баир слышал в трубке далёкий лай собаки и чей-то голос из телевизора.

Потом — тихо, мягко, как накрывают стол:

— Конечно, приезжай, дружище. Комната есть. Всегда есть.

II

Он ехал на машине, не поездом. Поезда из Элисты больше не ходили — линию закрыли, рельсы ржавели, вокзал умирал. Но всю дорогу, все эти двенадцать часов через Ставрополь, через серпантины, через перевалы, где уши закладывало от высоты, — ему казалось, что он слышит стук колёс. Тот особенный ритм — та-дам, та-дам, — который в детстве был ритмом счастья, обещанием чуда, метрономом, отсчитывающим километры до моря.

Степь за окном машины — родная, привычная, сухая — сменялась предгорьями, предгорья — горами, горы — тоннелями и мостами, и за каждым поворотом серпантина открывался новый вид, и Баир думал: вот так же было в поезде. Только в поезде можно было прижаться лбом к стеклу и не следить за дорогой, а просто смотреть, просто впитывать. За рулём приходилось быть взрослым.

Он остановился на перевале — размять ноги, попить воды. Внизу лежала долина, зелёная и дымчатая, и в самой её глубине, на границе земли и неба, — полоска. Узкая, серебристая,

почти неразличимая. Но Баир знал, что это. Он узнал бы эту полоску из тысячи. Как узнают лицо матери в толпе.

Море.

Он сел в машину и поехал быстрее.

Свернул с трассы в Лоо уже в сумерках. Посёлок принял его, как принимает старый дом — скрипом, теснотой, знакомыми запахами. Узкие улочки стали уже и запутаннее, чем в памяти, обросли заборами, пристройками, вывесками «Комнаты посуточно», но под этим наросом он узнавал скелет — вот поворот к магазину, вот спуск к речке, вот железнодорожный переезд с облупившимся шлагбаумом.

Он остановился перед знакомыми воротами.

Нет. Не знакомыми.

Ворота были другие — железные, покрытые рыжей ржавчиной, с приваренной цепью вместо замка. Вместо тех деревянных, крашенных синей краской, которые дядя Лёша каждую весну подновлял, ворча, что краска нынче не та, что раньше. А за ними...

Двор был тем же и не тем. Баир вышел из машины и стоял, держась за дверцу, как за поручень, боясь отпустить. Боясь — чего? Что земля поплывёт под ногами? Что время, которое он держал на расстоянии все эти десять лет, хлынет разом?

Беседки не было.

Той самой беседки — деревянной, с резными перилами, которые дядя Лёша выпиливал сам, лобзиком, три зимы подряд. Увитой диким виноградом — таким густым, что внутри было прохладно даже в полдень, и солнце пробивалось пятнами, и пятна двигались по столу, по тарелкам, по лицам, как живые. С круглым деревянным столом на одной ножке — тяжёлым, дубовым, — который детвора крутила, представляя барабан из «Поле чудес», и Алевтина Петровна каждый раз кричала: «Хватит крутить, уроните!», а они крутили.

Беседка была центром. Средоточием. Местом, где вечерами собирались все — и свои, и соседи, и случайные знакомые, потому что южный двор — это открытая ладонь, и кто бы ни зашёл, ему наливали, накладывали, усаживали. Где Алевтина Петровна расставляла тарелки с помидорами — огромными, мясистыми, сахарными на разломе, и рядом блюдечко с крупной солью, и хлеб белый, нарезанный толстыми ломтями. Где отец Алексея и Аркадия — дядя Леонид, большой, громкий, широкоплечий, с вечно обгоревшими плечами и белыми полосками от майки, — разливал домашнее вино из пятилитровой баклажки и говорил: «Ну, за встречу!», и все поднимали стаканы, и стаканы были разные — стеклянные, пластиковые, один даже жестяная кружка, — но это было неважно. Где бабушка Данара Дорджиевна пила свою джомбу — калмыцкий чай с маслом и солью, горячий, мутный, странный для чужого глаза, — и соседи смотрели с удивлением, а она только улыбалась своей тихой, морщинистой улыбкой и говорила: «Попробуйте, вкусно», и кто-то пробовал и морщился, а кто-то — неожиданно — просил ещё.

Беседки не было. На её месте — бетонная площадка, потрескавшаяся, с проросшей в трещинах травой, и пластиковый стол — белый, грязноватый, с одной подломленной ножкой, подпёртой кирпичом. На столе — пепельница из консервной банки и пустая бутылка из-под пива.

А «Волга» — та самая светло-зелёная «Волга» ГАЗ-21 — стояла. Вернее, то, что от неё осталось. Ржавый остов, покрытый пятнами коррозии — рыжими, бурыми, почти чёрными, — с просевшими на спущенных шинах колёсами и мутными, слепыми фарами, затянутыми паутиной. Хромированный олень на капоте потемнел и покосился, но всё ещё рвался вперёд, в бег, которого больше не будет. Виноград, тот самый, что рос на беседке и лишился опоры, переполз на машину и оплёл капот, крышу, стойки, — как будто земля медленно, терпеливо забирала её обратно в себя.

Баир поднял камеру. Навёл. Кадр был готовый, идеальный, трагический — мёртвая машина в объятиях живого винограда, метафора, от которой любой редактор пришёл бы в восторг. Он нажал на спуск.

Потом опустил камеру.

Некоторые вещи нельзя вместить в кадр.

— Баирка!

Аркадий вышел из дома — из боковой двери, которой раньше не было, пристроенной криво, из белого пластика. Он был в шортах — длинных, почти до колен — и в майке с выгоревшим логотипом какой-то шашлычной и пятном от мангала на животе. Ему было за сорок. Он был небольшой комплекции, среднего роста, можно сказать — подтянутый, без лишнего жира, без расхлябанности, сбитый, как табуретка. Лицо обветренное, с ранними морщинами у глаз — от солнца, от моря, от жизни. Руки большие, рабочие, с широкими ладонями и короткими пальцами, перепачканные чем-то тёмным — маслом? Землёй? Сажей? Он работал поваром в шашлычной на берегу — той, что у железнодорожного моста, — а ещё шабашил на стройках, а ещё чинил крыши после зимних штормов, а ещё клал плитку, а ещё — всё, за что платили. Южный человек, который живёт не одной работой, а десятую, и ни одна не кормит досыта.

Они обнялись. Аркадий пах углём, луком, потом и — почему-то — морем. Как будто соль въелась в него, стала частью кожи.

— Ты чего стоишь, как неродной? Заходи, заходи. Я комнату приготовил. Ту самую, где вы с бабушкой жили. Помнишь?

Баир помнил. Комната на втором этаже, с окном на юг. Если встать на цыпочки и вытянуть шею, можно было увидеть полоску воды между макушками деревьев, за насыпью железной дороги. Бабушка говорила: «Отсюда море видно», хотя видно было едва-едва, скорее угадывалось — по блеску, по цвету воздуха. Но ей этого хватало.

Он поднялся по скрипучей деревянной лестнице — каждая ступенька пела своим голосом, и он вспоминал их, как ноты: первая — низко, вторая — выше, третья — с хрипотцой. Комната была маленькая, чистая, пахла свежей побелкой и старым деревом. Кровать с панцирной сеткой — та самая? Другая? — тумбочка с салфеткой, стул с протёртым сиденьем. На стене — гвоздь. Один гвоздь, на котором когда-то висел бабушкин бордовый платок. Платка не было. Гвоздь — был.

Баир сел на кровать. Пружины пропели — та-дам.

Он замер. Прислушался. И в этом звуке — пружинном, металлическом, домашнем — услышал колёса поезда, который вёз его сюда каждый август, каждое лето.

В окне — тот же вид. Деревья, крыши, кусок забора, насыпь, опоры контактной сети. И прямо сейчас, как по заказу, послышался звук — дальний, нарастающий, знакомый до дрожи. Электричка. Она прошла с перестуком и коротким гудком — быстро, деловито, не останавливаясь. Зелёные вагоны мелькнули за деревьями, солнце блеснуло на стёклах, и всё — ушла.

И когда она ушла, в образовавшейся тишине проступил другой звук — тихий, ровный, бесконечный. Не ритм, а дыхание. Не музыка, а присутствие.

Море.

Степняк закрыл глаза и дышал. Дышал глубоко, медленно, как учил отец: «Вдох — степь, выдох — небо». Только сейчас было: вдох — море, выдох — память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.